

Театральный роман Юрия Гамалея

Мемуары

Дирижер Юрий Гамалей назвал свои мемуары "Мариинка и моя жизнь". Вместо союза "и" вполне могло бы стоять тире. Дату своего первого похода в Мариинский театр автор помнит так же точно, как собственный день рождения: 3 ноября 1929 года. В том спектакле — давали "Спящую красавицу" — при желании можно увидеть своеобразный узел, стянувший воедино нити будущей судьбы дирижера. Непосредственным участником театрального чуда его, тогда еще мальчика, впервые сделала музыка Чайковского: Гамалею довелось петь в детском хоре на премьере вайноненевского "Щелкунчика". Именно балетное дирижирование во многом определило дальнейшие профессиональные интересы. Юрий Гамалей вел немало оперных спектаклей. Но всемирную славу ему принесли премьеры "Хореографических миниатюр", "Клопа" Якобсона и, главное, "Каменного цветка" Григоровича. Юрию Гамалею принадлежит ставшая общепринятой театральная редакция музыки Прокофьева: "Ни один из эрудитов, бывших на спектакле (Шостакович, Кабалевский, критик и композитор Богданов-Березовский и другие музыковеды), не заметил моего вмешательства в авторский текст", — гордо заявляет мемуарист. Да и распрощавшись с театром, маэстро остался верен Терпсихоре: сегодня он преподает в консерватории анализ партитур молодым балетмейстерам. Наконец, на той же "Спящей красавице" 1929 года он впервые увидел балерину Ольгу Берг, годы спустя ставшую его спутницей на всю жизнь.

Мемуары охватывают свыше шестидесяти лет. Писались они, по признанию Гамалея, на основе дневниковых записей. Но читая книгу, трудно поверить в это — так ровен, невозмутим, иногда раздражителен, подчас сух тон повествования. И все-таки творческие пристрастия автора очевидны. Его бо-

жество — отвлеченный классический танец, в своей условности подобный музыке. Потому, например, Гамалея поначалу оставляет равнодушным зажигательный "Дон Кихот", и так парадоксальна на первый взгляд критическая характеристика, данная автором Галине Улановой. Актерскому мастерству, воспитанному хореографом, Гамалей предпочитает техническую свободу и виртуозную точность танца. Недаром его театральным кумиром навсегда осталась Наталья Дудинская.

Но не стоит искать в книге развернутых портретов великих современников, красочных образов ушедших спектаклей. Пунктуальный автор констатирует удачу или неудачу. Проследивает изменения, вносимые в спектакли на протяжении многих лет (фактический материал, полученный из его рук историками, поистине бесценен!). Немало интересует его и театральная повседневность — неприглядно мелочная, отталкивающая, подлая, нелепая, смешная, трагичная. "Стоит ли ворошить давно забытые интриги?" — щепетильно встрепетается иной читатель. Стоит. Ибо мемуары Гамалея позволяют понять, каким образом чьи-то сиюминутные интересы поворачивали русло театральной истории, перечеркивали ее естественный ход. Вековые "прелести" закулисья умножились на жуткие достижения тоталитарной системы. Но так ли уж принципиальны для сегодняшних читателей приметы времени? Зарвавшиеся фавориты. Непримируемая вражда кланов, в которой противники не брезгают любыми средствами. Партийные чиновники, в роли покровителей сменившие дореволюционных ситятельных балетоманов. Склоки и доносы... К концу книги мы вдруг изумленно осознаем, что за много десятилетий в театре ничего не изменилось.

Юлия ЯКОВЛЕВА

Санкт-Петербург

Культура. —
1999. — 25-31 марта. — с. 10.